

УДК 1(091)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ Д. ЛАКАПРЫ: ИСТОРИЯ, ПАМЯТЬ, ТРАВМА¹

В. П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

В центре внимания Д. ЛаКапра находится феномен травмы, позволяющий радикально преобразовать контекстуальность интеллектуальной истории и поставить новые проблемы реконфигурации значений и тем исследования. Выделяя два процесса переживания травмы: отыгрывание и прорабатывание, сопряженные со скорбью и другими формами социального действия, Д. ЛаКапра демонстрирует возможность использования психоанализа в границах поля исторического исследования.

Ключевые слова: *интеллектуальная история, травма, прорабатывание, нарратив, лингвистический поворот, память.*

Доминик ЛаКапра является одним из наиболее влиятельных представителей интеллектуальной истории Северной Америки. На протяжении более двадцати лет он продвигал и отстаивал значимость данного предметного поля исторического знания, акцентируя значительное внимание на важность переформулирования взаимоотношений между текстами и их контекстами и значимость используемого языка: «Интеллектуальная история... это история использования языка, конституирующего значимые тексты» [6]. Интеллектуальные историки часто пишут о темах, аналогичных проблематике культурной истории. Разница между ними скорее методологическая: представитель интеллектуальной истории исследует какую-либо идею или концепт ради него самого, а культурный историк с большей вероятностью рассматривает сферу культурной реализации данной идеи, ее распространение за пределы интеллектуальной элиты, среди широких слоев общества. В то время как интеллектуальные историки часто сосредоточены на понимании точных концептуальных систем, разработанных, главным образом, самими интеллектуалами, представители культурной истории, как правило, менее заинтересованы в исследовании тонкостей концептов самих по себе и более сконцентрированы на анализе понятий, реализуемых в сфере публичного дискурса. Несмотря на ориентацию преимущественно на интеллектуальную историю, ЛаКапра является и культурным историком, исследующим историю социокультурных форм значений и процессов, коллективных представлений и символов: он внес значительный вклад в понимание того, как зародился Холокост, исследовал способы переживания травмы как интеллектуалами, так и в границах культурных «текстов», таких, как литература и кинематограф [8].

ЛаКапру относят к лингвистическому повороту, но он никогда не рассматривал данное явление в терминах буквального «пантекстуализма», а под-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века» № 17-33-00047.

разумевал под ним обозначение практик во всех сложных и взаимодействующих формах [12, р. 195]. Более того, по его мнению, лингвистический поворот не должен отождествляться с нарративным поворотом, хотя нарратив является значимой социальной практикой, требующей тщательного исследования. Сведение всего лингвистического поворота к нарративному и истолкование повествования как основного приема человеческого разума является, по мнению ЛаКапра, достаточно спорным. Еще более сомнительна попытка сведения ненарративных жанров (эссе, лирики, статистического анализа, полемики, пародии, сатиры, диалога) к нарративу как мнимому предтексту. Подобные утверждения основываются на чересчур общем понятии нарратива [12, р. 220].

При анализе структур исторического повествования ЛаКапра чаще всего обращает внимание на противоречия в текстах или контекстах, которые бросают вызов всем историографическим попыткам объяснить данные реалии с позиций полной согласованности. Исторические рассказы и объекты их исследования отражают внутреннюю напряженность, которая всегда бросает вызов глубоким структурам философского и литературного порядка. Кроме того, важным является и используемое наименование, которое создает пространство для памяти и скорби. Понятие «холокост» было заимствовано из латинской Библии и обозначает жертву всеожжения либо принесение жертвы всеожжения, что подразумевает тенденции сакрализации событий, хотя подобная возможность зачастую нейтрализуется превалирующим использованием термина в обыденном контексте. Термин «шоа» соотносит произошедшее с религиозной и этнической традицией. Другие такие термины, как «окончательное решение», «уничтожение», повторяют нацистскую терминологию с использованием кавычек в качестве дистанционной рамки или эффекта отчуждения. Неологизмы вроде «иудеецид» напоминают скорее нейтрализующий бюрократический жаргон, одобренный нацистами. Термин «геноцид» обладает «сглаживающим» эффектом, но понятие «нацистский геноцид» может выступать одним из подходящих терминологических компромиссов. Но наиболее лучшим вариантом является использование различных терминов при осведомленности об их проблематической сущности. Тем самым проблема переноса травматических событий возникает уже на дискурсивном уровне именования, поэтому дискурс должен включать взаимно провокационные взаимосвязи между теоретическими аспектами и исследованием, которое имеет эмпирическое и историческое измерение [9, р. 183].

ЛаКапра сосредоточен на анализе проблем понимания и репрезентации исторических событий постсекулярного общества. Разрабатывая концепцию взаимосвязи между историей, памятью и травмой, ЛаКапра активно привлекает потенциал, полученный в процессе переосмысления психоанализа, рассматривая такие проблемы, как перенос, проработывание и отыгрывание, тесным образом сопряженные со скорбью и другими формами социального действия. Психоанализ ЛаКапра не является строго соответствующим принципам любой из данных школ. Скорее, он селективно заимствует аспекты различных психоаналитических школ, отбирая идеи, плодотворные для реконфигурации исторического понимания как процесса, требующего критического обмена с прошлым [9, р. 7].

Память является одним из ключевых элементов в процессе осмысления прошлого. С одной стороны, память ставит вопросы перед историей относительно актуальных проблем, исследуемых с определенной степенью эмоциональности и характерными ценностными установками. С другой стороны, ис-

торики критически рассматривают память и подготавливают ее к попытке проработывания. ЛаКапра выделяет два подхода к интерпретации памяти. С одной стороны, память является первостепенной, поскольку память – «это то, относительно чего история должна определить свои границы... Память в этой связи является антитезисом или Другим истории». С другой стороны, память важна как основа или сущность истории. В этом случае память понимается как близкая или аналогичная истории, как историческая матрица или основа [9, р. 16]. Поэтому, по мнению ЛаКапры, можно говорить о бинарности истории и памяти. В первом случае история оценивается в соответствии с памятью, во втором – память в соответствии с историей [9, р. 17].

Один из наиболее известных подходов к памяти – подход П. Нора – является, с позиции ЛаКапры, простой нейтрализацией травмы и недостаточной основой для критической попытки проработки чьих-либо импликаций в процессе исследования. Для Нора память и история далеки от того, чтобы быть синонимами, они противоположны по сути. ЛаКапра, в свою очередь, утверждает, что память не является идентичной истории, но в то же время не является и противостоящей ей. Память является существенным источником для истории. Даже в ее фальсификациях, смещениях и отрицаниях память может быть информативной – не с точки зрения точной эмпирической репрезентации объекта, но с позиции охваченного тревогой восприятия и ассимиляции произошедшего одновременно участниками событий и теми, кто родился позже. Более того, критический подход к памяти является важным для попыток определения того, что в истории заслуживает сохранения в качестве существующей традиции, а чего необходимо избегать. История, в свою очередь, исследует память с критической позиции и определяет, что является эмпирически верным или имеет иной, но тем не менее значительный статус. Как только история утрачивает контакты с памятью, она обращается к «мертвым» проблемам, не вызывающим оценочного и эмоционального интереса [9, р. 19–20].

ЛаКапра выделяет два вида памяти – первичную и вторичную. Первичная память – это воспоминания человека, который проживает события и помнит, каким образом они происходили. Данный вид памяти с неизбежностью включает в себя ошибки и упущения, соотносящиеся с формами отказа, подавления и уклонения, но он также обладает силой и непосредственностью, которая может быть убедительной. Вторичная память является результатом критической работы над первичной памятью либо со стороны человека, который первоначально обладает соответствующим опытом, либо со стороны аналитика, исследователя или вторичного свидетеля, такого, как историк [9, р. 20–21].

Память, травму и историю характеризует тесная взаимосвязь. В-первых, память важна в контексте отсроченного признания значения травматических серий событий в недавней истории. Травматические события оказывают огромное влияние не только на жертву, но и на тех, кто контактировал с травматическим событием: на преступника, коллаборациониста, свидетеля, сопротивляющегося, а также тех, кто родился позже. Травма влечет за собой провалы или разрывы в памяти, которые разрушают протяженность с прошлым, ставя, таким образом, идентичность под угрозу и даже создавая возможность для ее последующего разрушения [9, р. 9].

Особое значение в контексте памяти и травмы приобретают показания (testimony) выживших свидетелей. Показания в последнее время стали преобладающим жанром, который акцентирует проблемы взаимодействия между

фактическим и вымышленным. Знаменитый французский историк А. Вивьерка называет настоящее эрой свидетельств. Другие исследователи, такие, как Дж. Хартман и А. Ассманн, характеризуют показания свидетеля как новый создающийся жанр, который отличает современную эпоху. Предоставление показаний – это попытка представить опыт, который пережил человек. Показания являются одновременно пугающими и аутентифицирующими, поскольку они несут следы, не будучи полностью поглощенными и искаженными как симптоматические эффекты травмы [11, р. 60–61].

Показания свидетелей, основанные на памяти, становятся привилегированным способом доступа к прошлому и травматическим событиям. Они обеспечивают понимание жизненного опыта и его трансляцию вербальными и невербальными способами. ЛаКапра разграничивает понятия «показания» (testimony) и «свидетельства» (witnessing), не сводя их к дихотомии. Testimony обладает двумя значениями – юридическим (показания свидетеля) и религиозным (скрижали Завета). В отличие от Ш. Фелман и Д. Лауба он не считает, что данные понятия следует радикально дифференцировать для того, чтобы акцентировать внимание на отличии показаний жертв Холокоста от исторических свидетельств. Показания и свидетельства сближает этическое в своей основе прорабатывание прошлого, недооцениваемое позитивистски ориентированными историками в свидетельстве и гипертрофированно преувеличиваемое исследователями в отношении показаний [2, с. 125].

Феномен травмы, по мнению ЛаКапры, позволяет радикально преобразовать контекстуальность интеллектуальной истории и поставить новые проблемы реконфигурации исторических значений и тем исторического исследования. Травма становится своего рода всепоглощающим «контекстом», стирающим эмпирическую релевантность других контекстов, поскольку открывает историю для непредсказуемости и жуткого [1, с. 53]. Травму также можно рассмотреть как своеобразный дискурсивный и эпистемологический паралич, неспособность объединить три критических опыта: пережитого, высказанного и осмысленного [5, с. 7].

Базовой предпосылкой ЛаКапры является утверждение, что фундаментальные концепты психоанализа (такие, как перенос, отрицание, регрессия, отыгрывание, прорабатывание) подрывают бинарную оппозицию между индивидом и обществом. Их применение относительно индивидуальных и коллективных феноменов является предметом для возможного исследования. З. Фрейд развивал данные концепты в клиническом контексте и полагал, что они применяются к коллективным процессам только посредством аналогии. По мнению ЛаКапры, концепты регрессии и прорабатывания соотносятся с процессами, которые всегда включают в себя типы взаимодействий, конфликта, ориентации на других, поэтому сложно говорить об их исключительно индивидуальном статусе [9, р. 43].

Небинарными элементами являются два взаимодействующих процесса переживания травмы – отыгрывание (acting out) и прорабатывание (working through), которые являются взаимосвязанными, но аналитически различимыми процессами ответа на утрату или историческую травму. Отыгрывание выражается в стремлении к навязчивому повторению. Люди, подверженные такому типу травмы, стремятся возродить прошлое к существованию в настоящем. Другими словами, субъект вновь переживает событие, включая себя как другого в прошлое.

Прорабатывание выражается в стремлении создать разграничение между прошлым, настоящим и будущим. Само понятие «прорабатывание» ЛаКапра заимствует у Фрейда (*durcharbeiten*). Предлагаемый ЛаКапрой концепт прорабатывания призван препятствовать некритическому воспроизведению «травматического опыта» события [3, с. 16]. Прорабатывание травм ведет к их осознанию и смягчению их воздействия в настоящем и будущем. Прорабатывание, с точки зрения ЛаКапры, становится регулятивным идеалом, чья актуальная роль в истории является предметом исследования [9, р. 196]. Прорабатывание прошлого является, само по себе по большей части этическим процессом, достигающим особой эффективности при помещении его в социальный или политический контекст.

ЛаКапра вслед за У. Сантнером указывает на господство нарративного фетишизма относительно феномена травмы. Нарративный фетишизм подразумевает под собой конструирование и развертывание повествования в целях нивелирования следов травмы или утраты. В границах нарративного фетишизма на первый план выходят именно нарратив и его конституирование как целостности. Нарративный фетишизм включает в себя неспособность или отказ скорбеть о травмирующих событиях, повторение неотрефлексированного травматического опыта, который замещается набором речевых артефактов. Это, скорее, реализация попытки свести проработку травмы к истории травмы, т.е. к повествованию об утрате и потере [4, с. 392]. Сантнер противопоставляет такие ответы на утрату как нарративный фетишизм и скорбь, указывая, что «работа скорби – это процесс переработки и привыкания к реальности утраты или травматического шока путем их воспоминаний и повторов в символически и диалогически опосредованных дозах... процесс, включающий в себя определенным образом ритуализированную связь между языком и молчанием» [4, с. 392]. ЛаКапра не столь категоричен относительно данной проблемы. По его мнению, тексты содержат мощный перформативный потенциал для читателя и автора. Диалог с прошлым необходимо вести, используя разные стратегии и теоретические модели: и психоанализ, и идеи нарративного поворота, и эстетическую теорию с ее интересом к возвышенному, поскольку не существует универсального способа познания прошлого [2, с. 126].

ЛаКапра рассматривает скорбь как форму прорабатывания, а меланхолию – как форму проигрывания, следуя за фрейдистскими характеристиками. И как справедливо отмечает М. Джей, ЛаКапра осуществляет наложение двух разных фрейдовских оппозиций: траура и меланхолии, прорабатывания и проигрывания. ЛаКапра, как и Фрейд, рассматривает меланхолию как приостановленный процесс, в котором депрессивное и травмированное самосознание, заблокированное в компульсивном повторении, одержимое прошлым, встречается с безвыходным положением и остается утраченным объектом. Фрейд наделял меланхолию амбивалентным характером: как предпосылку для скорби и как то, что может блокировать процессы скорби, если она становится чрезмерной или выступает в качестве объекта фиксации. В процессе скорби утрата признается как утраченное, но от нее возможно отойти, возобновить интерес к жизни, обнаружить умеренно стабилизированный объект интереса, любви и приверженности. Для того чтобы быть эффективной, скорбь требует поддерживающего социального контекста и прохождения определенного периода времени [9, р. 183–184].

Скорбь дает возможность для включения травмы в процессы самоосмысления и самоидентификации, подразумевая иное изменение перформативности: связь с прошлым, в котором признается его отличность от настоящего [10, р. 713]. Скорбь является социальной, даже ритуальной практикой, которая требует спецификации, характеристики или названия достойных жертв. Без подобного описания есть вероятность того, что скорбь будет задержана и человек будет изолирован в меланхолии, компульсивном повторении и отыгрывании прошлого [9, р. 69].

По мнению ЛаКапры, даже если травма не может быть полностью преодолена, она может быть нейтрализована попытками проработать проблемы, скорбью о жертвах прошлого. Исследователь в ходе прорабатывания пытается достичь некоего критического отрыва от прошлого, но это не означает, что он совершенно преодолел прошлое [7]. В ходе интерпретации произошедшего он должен стремиться проработать комплексную позицию, которая не просто идентифицируется с той или иной позицией участника. Он должен представить способы преодоления целого комплекса взаимосвязей, определяемых сетью: преступник–коллаборационист–жертва–свидетель–сопротивляющийся. Эти различия артикулируют сеть взаимосвязанных субъектных позиций, которые постигаются эмпирически, тщательно анализируются и направлены на то, чтобы преодолеть их на практике. Целью этого преодоления будет создание трансформированной сети взаимосвязей, которые создают возможность для различных субъектных позиций и типов действия. Проработка прошлого является процессом и подразумевает не окончательное закрытие, но повторяющуюся переменную попытку связать точную, критическую работу памяти с требованиями желаемого действия в настоящем [7, р. 40–42].

При критическом исследовании память может выступать как необходимая стартовая точка для всей символической активности, поскольку память о событиях неизбежно включает в себя пробелы, искажения и ограниченные доказательства, по крайней мере, в отношении самого опыта травмы. ЛаКапра рассматривает память как модальность или компонент прорабатывания проблемы. Память в этой связи выступает как способ воспоминания об ошибочных действиях, критическое уклонение от наименее желаемых аспектов прошлого, и является попыткой почтить иные аспекты прошлого или сделать их основой для конструктивных действий в будущем.[7, р. 182–185].

С позиции прорабатывания, по мнению ЛаКапры, представляется важным различать структурную травму и историческую травму. Структурная травма является скорее условиями возможности, которые генерирует потенциал для травмы и эмпирические формы исторической травмы. Структурная травма выражается множественными путями (первородный грех как следствие падения в разрыв первичного нарциссизма, вступление в символическое и столкновение с реальным Лакана), а ее субъектом являются все. Структурная травма не может быть излечена или преодолена и может только проживаться различными путями [10, р. 722].

Историческая травма является специфической, следовательно, не каждый человек является ее субъектом. Она соотносится с конкретными историческими событиями, значительными утратами и потерями. Примером подобного может холокост, апартеид, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Подобная травма может выступать в качестве основы для формирования коллективной или

персональной идентичности [10, р. 724]. И, как указывает ЛаКапра, исторические травмы такой сущности и природы как холокост могут, преступая теоретический предел, ставить вопросы относительно различения двух видов травм: структурное (или экзистенциально-трансцендентальное) стремится обратиться в эмпирическое. Но этой тенденции необходимо противостоять [9, р. 195].

Итак, поворот к травме ЛаКапра подразумевает под собой две возможные перспективы: во-первых, стремление не уходить от негативных или вводящих в замешательство аспектов прошлого и, во-вторых, тенденцию соединения теории с конкретными проблемами исторического, социального и политического анализа. Травма – это сокрушительный опыт, который искажает память в обыкновенном смысле, может сделать ее особенно уязвимой и ошибочной в сообщении о произошедших событиях. Выделяя два процесса переживания травмы – отыгрывание и прорабатывание – ЛаКапра демонстрирует возможность использования психоанализа в границах поля исторического исследования. Отыгрывание и прорабатывание являются тесно связанными, но различающимися процессами. Отыгрывание может быть необходимо в отношении травмы, но фиксация на нем блокирует процесс прорабатывания. В ходе отыгрывания субъект характеризуется миметическим отношением к прошлому, которое возрождается, как если бы оно полностью присутствовало, нежели бы просто репрезентировалось в памяти и повествовании. Прорабатывание дает возможность для включения травмы в процессы самоосмысления и самоидентификации, подразумевая иное измерение перформативности: связь с прошлым, в котором признается его отличность от настоящего. ЛаКапра рассматривает скорбь и память в контексте прорабатывания. С этой точки зрения скорбь предписывает специфическое перформативное отношение к тому, что она одновременно фиксирует и от чего предпринимает частичный уход, допуская критическое суждение о произошедшем и возможность возобновить интерес к жизни. Память в этой связи выступает как способ воспоминания об ошибочных действиях, критическое уклонение от наименее желаемых аспектов прошлого и является попыткой почтить иные аспекты прошлого или сделать их основой для конструктивных действий в будущем.

Список литературы

1. Кукарцева М.А. Край возможного, или Размышления о новой книге Д. ЛаКапры // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 45–60.
2. Николаи Ф.В. «Негативное возвышенное» vs «проработка прошлого» в интеллектуальной истории Д. ЛаКапры // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2011. № 3 (23). С. 124–128.
3. Николаи Ф.В., Кобылин И.И. Интеллектуальная история Д. ЛаКапры: контекст и метод // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 31–44.
4. Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения: размышляя о репрезентации травмы // Травма: пункты: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 389–407.
5. Ушакин С.А. «Нам ли этой болью дышать?» О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–41.

6. Clark E. A. History, Theory, Text: historian and the linguistic turn. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 325 p.
7. Cramer L.S. Literature, criticism, and historical imagination: the literature challenge of Hayden White and Dominick LaCapra // The New Cultural History / ed. by L. Hunt. Berkeley: University of California Press, 1989. P. 97–131.
8. Gordon P.E. What is intellectual history? A frankly partisan introduction to a frequently misunderstood field [Electronic resource]. URL: http://projects.iq.harvard.edu/files/history/files/what_is_intell_history_pgordon_mar2012.pdf (accessed: 15.08.2018).
9. LaCapra D. History and memory after Auschwitz. Ithaca: Cornell University Press, 1998. 232 p.
10. LaCapra D. Trauma, Absence, Loss // Critical Inquiry. V. 25, № 4. P. 696–727.
11. LaCapra D. Traumatropisms: From Trauma via Witnessing to the Sublime? // History and Its Limits: Human, Animal, Violence. Ithaca: Cornell University Press, 2009. P. 59–89.
12. LaCapra D. Tropisms of Intellectual History // History and Its Limits: Human, Animal, Violence. Ithaca: Cornell University Press, 2009. P. 190–224.

D. LACAPRA'S INTELLECTUAL HISTORY: HISTORY, MEMORY, TRAUMA

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

D. LaCapra focuses on the phenomenon of trauma that allows radical transformation of the contextuality of intellectual history and poses new problems of reconfiguration of meanings and themes of historical research. LaCapra demonstrates the possibility of using psychoanalysis within the boundaries of the field of historical research and recognizes two processes of experiencing trauma: acting out and working through. Such processes are closely associated with mourning and other forms of social action and fit into the contexts of trauma.

Keywords: *intellectual history, trauma, working through, narrative, linguistic turn, memory.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD, Senior Lecturer of the Dept. of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru